Певнев И.Ю.

**«Заинтересованные лица», «контролирующие лица» и иные смежные категории в
банкротных отношениях: отдельные вопросы соотношения**

*Набережночелнинский институт КФУ
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-03-2021-235

idsp: ljjournal-03-2021-235

Аннотация

Представленная статья направлена на рассмотрение ряда категорий, используемых в банкротных отношениях при отступлении от принципа автономии воли субъектов гражданского оборота. Отмечается наличие сразу нескольких однопорядковых дефиниций подобного рода. Обращается внимание на необходимость их разграничения, учитывая наработки юридической доктрины и правоприменительной практики.

Ключевые слова: банкротные правоотношения, аффилированные лица, контролирующие лица.

Abstract

The presented article is aimed at considering a number of categories used in bankruptcy relations when departing from the principle of autonomy of the will of subjects of civil turnover. It is noted that there are several single-order definitions of this kind at once. Attention is drawn to the need for their differentiation, taking into account the developments of legal doctrine and law enforcement practice.

Keywords: bankruptcy legal relations, affiliates, controlling persons.

Любые перипетии экономического характера не могут не отражаться на правовом положении субъектов гражданского оборота. Как правило, печальные для хозяйства страны события неизбежно негативным образом сказываются на уровне состоятельности юридических и физических лиц. Самым отрицательным исходом подобного влияния очень часто становится банкротство, правовые основы реализации которого заложены в положениях ФЗ от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности) [1] и Гражданским кодексом РФ [2].

Это явление уже стало неотъемлемым атрибутом современной отечественной экономики. Данные статистики не утешительны: из года в год количество заявлений о несостоятельности только увеличивается. Так, за 2018 год их было подано 36 826, а за 2019 год – уже 50 269 [3; 4].

Идеальным итогом реализации банкротных процедур, как презюмирует специальное законодательство, считается справедливое и как можно более полное удовлетворение требований кредиторов. Однако, учитывая опыт практического применения указанного института, уместно констатировать наличие большого количества случаев, когда интересы кредиторов не удовлетворялись из-за банального отсутствия имущества у признаваемого несостоятельным должника.

Причина такого положения вещей далеко не всегда обусловлена объективными условиями хозяйствования. К сожалению, со временем, в руках недобросовестных субъектов права, несостоятельность стала инструментом, достаточно легко позволяющим избегать необходимости погашения задолженности. Потому перед законодателем и юридической доктриной остро встал вопрос о необходимости разработки эффективных выходов из сложившейся ситуации.

В специальных исследованиях звучало огромное количество предложений по нивелированию подобного рода ситуаций и их предотвращению. И лишь относительно

недавно, в силу принятия ФЗ от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ [5], полностью легально (не только в рамках выраженных правоприменительных позиций) и комплексно был введён институт, способный, как нам кажется, наиболее решительным образом пресекать случаи недобросовестных банкротств и поведения в рамках банкротного процесса. Речь о введении института субсидиарной ответственности контролирующих лиц, базирующихся на особой концепции «снятия» или «прокалывания» «корпоративной вуали».

Указанные нововведения утвердили категорию «контролирующих должника лиц» в качестве самостоятельной и одновременно придали ей возможность широкого использования. Ее содержание экстраординарно и фактически легализует отступление от фундирующего принципа цивилистических коллабораций – автономии воли, т.е. предполагается ответственность одного лица за другое. Фактически, это позиция, при которой юридическое лицо признается самостоятельным субъектом права не по формальным критериям, а только с учетом фактических отношений между ним и иными физическими и юридическими лицами. При наличии существенного влияния на волю организации со стороны третьих лиц допускается определенное нивелирование ее автономности и привлечение к ответственности этих лиц [6; С. 32]. Активно этот термин используется и в рамках отношений иной отраслевой принадлежности. Ярким примером являются контрактные отношения, причем как в отечественном правовом поле, так и за рубежом [7; С. 7-10].

Между тем, такого рода «переносы» возможного принятия решения за конкретное лицо либо влияния на его волю иных факторов, представляющих собой исключение из принципа самостоятельности субъектов гражданского оборота, присутствовали в тексте Закона о несостоятельности и до проведенной реформы. В первую очередь, это связано с наличием таких категорий субъектов как заинтересованные, в том числе и аффилированные, лица.

Ст. 19 Закона о несостоятельности к первым относит тех лиц, что объединены одной группой и соответствуют иным специальным основаниям, а ко вторым, с помощью бланкетной ссылки на Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» [8], – «физических и юридических лиц, способных оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность».

Разумно возникает вопрос о соотношении этих понятий. Отметим, что во многих нормативных актах, судебных решениях и доктринальных трактованиях они используются как однопорядковые и фактически равные. Действительно, сходство рассматриваемых понятий состоит в возможности и контролирующего, и заинтересованного (в том числе аффилированного) лиц тем или иным образом оказывать влияние на участие в гражданском обороте другого лица.

Примечательным в этом ключе кажется изыскание К.Д. Полевой, которая провела достаточно фундаментальное исследование о соотношении данных категорий [9; С. 31 - 35]. По ее мнению, в правовых отношениях (помимо банкротных), «понятие аффилированных лиц шире, чем понятие контролирующих лиц, так как аффилированность возможна и по иным основаниям, помимо контроля. Таким образом, первое понятие выступает родовым по отношению ко второму» [9; С. 34]. Ею обращается внимание на базирование отношений аффилированности, помимо контроля, еще на основе договора и семейно-родственных отношений.

Иным образом складывается ситуация в законодательстве о несостоятельности. Положения ст. 61.10 Закона о несостоятельности устанавливают весьма широкий круг субъектов, которые могли бы быть признаны контролирующими. Сверх того, согласно п. 5 этой же части нормативного документа арбитражный суд может признать лицо контролирующим должника еще и по иным основаниям.

Таким образом, в Законе о несостоятельности предусмотрено больше субъектов, которые могут быть признаны контролирующими лицами, и больше оснований для такого признания, чем установлено для признания лиц аффилированными. Отсюда следует, что понятие контролирующего должника лица шире понятия аффилированного лица; второе, по сути, поглощается первым. Указанный автор также подчеркивает возможность полной замены категории аффилированности (думается, и заинтересованности в том числе) на контролирующих лиц.

Позволим себе несколько не согласиться с подобной позицией. Применительно именно к законодательству о банкротстве и базируясь на детальном анализе Закона о несостоятельности, представляется возможным сделать вывод о существенной дифференциации данных категорий на основании функционального назначения. Как видно, из построения и нахождения исследуемых институтов в «архитектуре» основного закона, специально термин контролирующие лица применяется преимущественно в отношении привлечения к субсидиарной ответственности. Термин же заинтересованные лица (по смыслу ст. 19 являющимся родовой дефиницией по отношению к аффилированным) применяется для реализации множества иных правовых нужд: оспаривания сделок, учета задолженностей в определенной очереди, возможности назначения того или иного лица арбитражным управляющим и т.д.

Соотношение этих понятий не было разъяснено в законе, но получило отражение (хотя и косвенное) в тексте позиции правоприменительной инстанции. Речь о краеугольном, в разрезе нашего труда, Обзоре Президиума Верховного Суда РФ от 29 января 2020 г. судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц [10]. В преамбуле высшая судебная инстанция указывает следующую формулировку: «... с установлением в процедурах банкротства требований аффилированных с должником, в том числе контролирующих его, лиц». Как видим, правоприменитель рассматривает категорию контролирующих лиц как частный случай аффилированности.

В этом отношении важно подчеркнуть, что как по отношению к аффилированным, так и контролирующим лицам, сам по себе контроль, даже фактический, не является правонарушением, если при этом не будет доказано злоупотребление правами и причинение вреда другим лицам в связи с осуществлением контроля. Таким образом, одного лишь факта наличия аффилированности недостаточно для того, чтобы, к примеру, оспорить сделку или получить отказ в включении требований. Однако, как свидетельствует практика, в отношении признания того или иного лица контролирующим суды проявляют куда более свободную линию поведения. Фактически любое лицо может быть признано контролирующим вне связи с четкими критериями. Показательным следует считать дело, в котором в качестве аргумента подконтрольности (одного из) было указано наличие кабинета физического лица в головном здании должника [11].

Полагаем, повсеместное введение термина «контролирующие лица» с целью применения его в отношении как заинтересованных, так и аффилированных лиц, преждевременно.

Следует понимать, что применение категории контролирующие лица, с одной стороны, позволит наиболее полным образом учитывать круг субъектов, потенциально способных влиять на волю должника. Но, с другой стороны, бесконечный широкий круг лиц, которые потенциально могут быть признаны контролирующими при исключительном использовании этого института приведет к возможности оспаривания абсолютно любой сделки, коих в деятельности должника может огромное множество. Это дестабилизирует гражданский оборот и позволит необоснованно затягивать процедуры признания банкротом. Потому, несмотря на родовой характер дефиниции «контролирующие лица», необходимо дифференцированное одновременное

применение в отношениях банкротства терминов «контролирующие лица» и смежных с ним. Первый вполне уместно может быть применен в отношении привлечения к субсидиарной ответственности по долгам должника и при оспаривании сделок, в то время как термин заинтересованные лица может активно применяться в иных случаях необходимости учёта отступления от принципа автономии воли сторон.

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ О несостоятельности (банкротстве): [в ред. от 31.12.2020] // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [в ред. от 22.10.2020] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2018 г. // Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5119> (дата обращения: 02.03.2021).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2019 год // Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 02.03.2021).
5. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.
6. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 32.
7. Мусабирова Д.А., Ющенко Н.А. Меры, принимаемые для поддержки малого бизнеса, по законодательству о контрактной системе РФ и США // Вопросы экономики и права. 2018. № 115. С. 7-10.
8. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»: [ред. от 26.07.2006] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.
9. Полевая К.Д. Понятия «аффилированные лица» и «контролирующие лица» в антимонопольном, корпоративном и конкурсном законодательстве: компаративный аспект // Законодательство. 2017. № 5. С. 31 – 35.
10. Обзор Президиума Верховного Суда РФ от 29 января 2020 г. судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2015 г. № 9АП-24715/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Полякова Д.В.

Использование полиграфа в расследовании и раскрытии преступлений

*Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-03-2021-236

idsp: ljjournal-03-2021-236

*Научный руководитель
Полтавцева Л.И.*

Аннотация

В статье исследуется вопрос использования полиграфа в расследовании и раскрытии преступлений. Отмечаются две наиболее часто встречаемые формы применения данного технического устройства: опрос (как оперативно-розыскное мероприятие) и экспертиза (как следственное действие). Делается вывод о том, что в связи с отсутствием единого научно-методического подхода к проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа, полученные с его помощью данные играют значительную роль только при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, выступая в качестве ориентира и вспомогательных средств, но они не имеют какую-либо доказательную ценность.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, раскрытие и расследование преступлений, полиграф, реакция опрашиваемого, опрос, экспертиза.